

**РУКОПИСНЫЙ АРХИВ И. М. ЛЕВИНОЙ:
«ИМПРОВИЗАЦИОННЫЕ» КУКОЛЬНЫЕ ИГРЫ
И ДРУГИЕ ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ (МЕЗЕНЬ, 1928 г.)**

Публикация и комментарии М. Н. Власовой

Участие в комплексных экспедициях Государственного института истории искусств (ГИИИ, ныне — РИИИ — Российский институт истории искусств) 1926—1928 гг. — значимая страница научной биографии Ирины Михайловны Левиной, способствовавшая выработке новых подходов к собиранию и изучению фольклорных произведений.

Экспедиции ГИИИ имели целью комплексное исследование регионов Заонежья, Пинеги, Мезени, Печоры и проводились регулярно с 1926 по 1929 г.¹ Как фольклорист-собираатель Ирина Михайловна Левина работала на Пинеге и Мезени. Собранные ею материалы, преимущественно — сказки и детский фольклор — хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) — в форме полевых тетрадей, черновых и беловых.²

Ирина Михайловна Левина получила известность благодаря прекрасной статье «Кукольные игры в свадьбу и метище»,³ опубликованной ею по итогам пинежской экспедиции.

¹ Первые статьи по итогам комплексных экспедиций ГИИИ, предоставивших обширный материал для многочисленных публикаций и исследований, были опубликованы в сборнике «Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера» (Вып. 1. Л., 1927; Вып. 2. Л., 1928).

² Об архивных коллекциях И. М. Левиной подробнее см.: Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. 1926—1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Сост., вступит. статья и коммент. М. Н. Власовой. СПб., 2011. С. 534—555.

³ *Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. Вып. 2. Л., 1928. С. 201—234.

Об И. М. Левиной, «молодой словеснице, прикомандированной от Университета», бегло упоминает в своих экспедиционных дневниках Н. П. Колпакова.⁴ «Едем оживленно, весело, компания жизнерадостная, плохого настроения ни у кого не бывает. <...> Правда, наружность наша не во всем соответствует нашей научной квалификации. У всех у нас на головах — пестрые, завязанные по бабьи платки; у шефа — гороховый балахон, в котором он похож не то на ломового извозчика, не то на уездного землемера былых времен; мальчики — все в каких-то дешевых, чуть не ситцевых брюках... Один из соседей по нашему I классу отвел в сторону А. И. Никифорова и опасливо осведомился, кто мы такие. Название „научной экспедиции“ его не успокоило, так как он тут же выразил сомнение, чтобы люди с подобной внешностью могли вообще заниматься интеллигентным трудом. <...> Когда Ира Левина проходила сегодня по коридору в своем рабочем халатике и платке, кто-то из каюты I класса остановил ее: „Получите, милая, за чай и за обед...“»⁵

До недавнего времени биография Ирины Михайловны, прекратившей после 1928 г. занятия фольклористикой, была «белым пятном»; высказывалось предположение, что ее репрессировали. В действительности И. М. Левина, которая на протяжении всей жизни в анкетах, в графе «происхождение» отчетливо писала «из дворян», почти полвека, с 1935 по 1982 г., успешно трудилась неподалеку от Зубовского института, в Отделе истории западноевропейского искусства Эрмитажа.

По отзывам коллег, Ирина Михайловна Левина «была одним из крупнейших специалистов в области истории испанского искусства», хранителем испанских картин; занималась атрибуционной, просветительской, исследовательской работой. «Начиная с 1930-х гг. и на протяжении нескольких десятков лет ее статьи появлялись как в советской, так и в зарубежной печати. <...> Исследования И. М. Левиной были посвящены творчеству Мурильо, Сурбарана, Веласкеса, но главной темой ее исследований было творчество Франсиско Гойи; ее фундаментальная монография о великом живописце широко известна и высоко оценена в Испании. <...> Прекрасное знание материала позволяло ей быть консультантом исследователей из многих музеев, режиссеров, художников. В последние годы И. М. Левина много сил отдавала созданию научного каталога эрмитажного собрания испанской живописи».⁶

⁴ Колпакова Н. П. У золотых родников: Записки фольклориста. Л., 1975. С. 53.

⁵ Там же. С. 55—56.

⁶ И. М. Левина (1899—1983) // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1986. № 51. С. 95.

Очевидно, что перед нами — профессионал высокого класса, музейевед, искусствовед. По признанию самой Ирины Михайловны, она всегда мечтала работать в Эрмитаже.

Первым шагом к восстановлению ее биографии стала автобиография, датированная 30 апреля 1929 г., обнаруженная сотрудником РИИИ А. Б. Никаноровым в 2010 г. среди личных дел истопников и уборщиц института.

«Родилась 28 ноября 1899 г. в Санкт-Петербурге, — сообщает о себе Ирина Михайловна. — В 1918 г. поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов».

В 1924 г. И. М. Левина окончила музейный цикл литературно-художественного отделения Ленинградского университета, куда перевелась в 1919 г. Занималась у профессоров Б. В. Фармаковского, Н. П. Сычова, Д. В. Айналова. Слушала лекции и семинары профессоров литературного отделения — С. А. Венгерова, Г. К. Горбачева, В. М. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума. Одновременно, с 1919 по 1922 г., состояла студенткой ГИИИ. «В 1920 г., летом, по приглашению Б. В. Фармаковского работала практиканткой в Академии истории материальной культуры по разряду греческих колоний на юге России. <...> Участвовала в 1921 г. в экспедиции семинария Л. А. Мацулевича в Олонецкую губернию (деревянная архитектура Севера), в Кириллов и Ферапонтов монастыри. Занималась там ферапонтовской композицией Страшного суда и эту же работу продолжала в Университете под руководством Д. В. Айналова по Спасо-Нередицкой церкви. В 1922 и 1924 г. работала в Новгороде над фресками Волоотовской церкви (тема занятий — влияние раннего итальянского ренессанса на Новгород). Фольклором заинтересовалась, работая над древним русским искусством».⁷

Весной 1927 г., через секретаря Общества социологии и теории искусств, И. М. Левина обратилась в Комитет по социологическому изучению искусств (Соцком) ГИИИ, открытые заседания которого она посещала с момента его основания, с просьбой об участии в работе Крестьянской секции ГИИИ и в экспедиции на реку Пинегу.⁸

Таким образом, вопреки сведениям, сообщенным в экспедиционных дневниках Н. П. Колпаковой, Ирина Михайловна вовсе не являлась для ГИИИ сторонним, «прикомандированным от Университета» человеком, а ее интерес к фольклору не был случайным и достаточно рано сконцентрировался

⁷ Curriculum vitae: Левина Ирина Михайловна // Архив РИИИ, оп. 7, д. 13, л. 32—32 об. Эти же сведения менее подробно изложены в личном деле И. М. Левиной: Архив Государственного Эрмитажа, ф. 1, оп. № 15, д. № 124 (1945—1982).

⁸ Curriculum vitae: Левина Ирина Михайловна, л. 32 об.—33.

именно на детском фольклоре, который она собирала на Пинеге и Мезени.

С 1918 г. Левина работала воспитателем в детских домах; с 1924 г., в течение десяти лет, преподавала русский язык и литературу в школе, а также в интернате Института народов Севера.⁹ В статье «Кукольные игры в свадьбу и метище», Ирина Михайловна указывает, что «опросы о кукольной игре в свадьбу» производились ею «среди учеников 62 школы Московско-Нарвского района Ленинграда, а также среди взрослых, приехавших из деревень».¹⁰

В преамбуле к статье «Кукольные игры в свадьбу и метище» И. М. Левина пишет: «Самое большое внимание этнографы уделяли до сих пор детской песенке. Из детских игр собиратели большей частью останавливались на тех, которые сопровождают-ся обычно припевками, а также на играх „формальных“».¹¹ В пределах известного мне материала почти совсем нет подробных описаний игр крестьянских детей, подражающих быту взрослых, очень интересных и носящих в себе почти всегда элементы драматургии. Г. С. Виноградов, указывая на бытование подобных игр, относит их к „играм-импровизациям“, выполняемым не „по правилам“, как „формальные“ игры, а „по уговору“».¹² Сравнительно мало изученными ко времени написания статьи были и игры с игрушкой.

И. М. Левина указывает на необходимость заполнить лакуны в наблюдениях «над отдельными сторонами детской жизни»;¹³ этой цели подчинена ее исследовательская и собирательская деятельность 1920-х гг.

Рукописный архив И. М. Левиной (1928 г.) содержит сведения о кукольных играх на Мезени — несомненно, в качестве продолжения работы, которая велась на Пинеге и была оборвана в 1929 г. (согласия на участие в экспедиции на Печору, ради чего, собственно, и писалась автобиография, Ирина Михайловна, по-видимому, не получила). Мезенские материалы включают записи кукольной игры в свадьбу, сделанные в деревнях Лебская, Засулье, Малые и Большие Нисогоры.¹⁴ Не перебеленные и не

⁹ Curriculum vitae: Левина Ирина Михайловна, л. 33; И. М. Левина (1899—1983). С. 95.

¹⁰ Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 202.

¹¹ «„Формальная игра“ — термин Г. С. Виноградова, под которым он подразумевает игры, имеющие определенные правила: городки, горелки, лапта и так далее» (Там же. С. 201).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ), р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 8, л. 134 об.—144; р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 41 об.—45 об., 65 об.—69, 331—337.

подготовленные собирательницей к печати, они нуждаются в расшифровке и детальном изучении.

Особое место отведено фиксации прочих «импровизационных» игр. Некоторые из них («в гости»; «в „страдание“ на пожне») описаны подробно, другие — обрисованы в общих чертах. В нашу публикацию включены примеры обобщенных и детальных записей.

Упоминания о бытовании на Пинеге кукольных игр «в бесе́ду» и «в похороны»¹⁵ в мезенской экспедиции дополнены сведениями о целом ряде игр: «перед нами проходит быт взрослых в своеобразной передаче его детьми»¹⁶ — куклы нянчат детей («домашничают»), моют избы, сенокосничают, охотятся, ловят рыбу, торгуют, посещают церковные службы, уходят в солдаты.

Материал по детским играм призван прояснить сформулированные И. М. Левиной теоретические проблемы: правомерно ли именовать такие игры «импровизационными»; какие части определенного обряда либо уклада жизни взрослых детям более известны; как наследуется данная игровая традиция и как она изменяется в зависимости от возраста, состава участников, и пр. Собирательница стремится зафиксировать весь ход игры: распределение ролей между куклами и их хозяйками, обустройство игрового пространства, динамику разворачивающегося действия, реплики, ремарки детей и даже возникающие между ними конфликты. К сожалению, значительная часть мезенской коллекции сохранилась лишь в форме скорописи, с пропусками и трудночитаемыми местами, что дает представление о том, насколько важна была для И. М. Левиной послеэкспедиционная работа со сделанными ею записями (вероятно, какая-то их часть хранилась в ее личном архиве). Утрачено и собрание «своедельных» кукол, купленных либо выменянных Ириной Михайловной у маленьких северянок.

Загадочна судьба подготовительных материалов к единственному опубликованному, но обстоятельному и совсем не ученическому исследованию И. М. Левиной: страницы, на которых должны были бы находиться пинежские записи о кукольных играх, из полевой тетради аккуратно вырезаны и нигде не перебелены. Пока трудно сказать, какие причины привели к такому буквальному «отрыву» Ирины Михайловны от фольклористики.

¹⁵ «...девочки упоминали еще про „бесе́ду“, куда куклы являются с прялками, и „похороны“, когда куклу хоронят в специально сделанном ящике или просто в коробке, и где одним из элементов игры являются причитания — плач родных по умершему» (*Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 224).

¹⁶ Там же. С. 225.

Помимо сведений об играх, экспедиционный архив И. М. Левиной, полагавшей, что изучение детской игры «должно идти в самом широком диапазоне, охватывая, по возможности, все стороны детского быта»,¹⁷ включает более пятисот записей загадок и значительное количество колыбельных, считалок, дразнилок, игр.¹⁸

И. М. Левина была привержена «сплошному» методу записи, то есть старалась опросить и записать по возможности всех жителей той или иной деревни, без предварительного выделения наиболее одаренных, по мнению односельчан, рассказчиков. Это давало, может быть, не столь блестящую, но наиболее адекватную картину бытования фольклора.

Судя по дневниковым, а также полевым и статейным материалам, Ирина Михайловна умела установить с детьми непринужденные, доверительные отношения.

«Работала весь день. Ходила за три версты в Пустынку. Деревушка, одиноко затерянная в лесах и болотах. Бедность, доходящая до нищеты. Земли почти нет, она расположена в низинах, и часто река не только сносит все посевы, но и „землю матушку всю разнесет“. <...> А дорога в Пустынку чудесная. Бор, весь полный молодыми нежными лиственницами, седыми елями, кустами вереска. Олений мох под ногами.

Ребятишки сначала были страшно дики. Маленькая Фелицата в избе Василья-губернатора, где мы сидели с И., долго стояла у печки, закрываясь руками, боялась подойти. Потом познакомилась на улице со всеми. Стали доверчивы, подходили, играли со мной, материал пошел легко, та же Фелицата освоилась настолько, что даже положила мне ручонку на плечо, чтобы протискаться ближе».¹⁹

Небольшой экспедиционный дневник И. М. Левиной проникнут неподдельным интересом и уважением к северянам разных возрастов и состояний: от мятущегося революционера до старухи-бобылки из Вожгор.²⁰ Выйдя из небогатой дворянской семьи, считая труд необходимой принадлежностью жизни, Ирина Михайловна приняла многие изменения, произошедшие после Великой Октябрьской революции, способствовала просвещению и образованию всех, кто получил возможность учиться: преподавала на рабфаках, читала лекции. Она принадлежала к тем представителям русской интеллигенции, которые в любых обстоятельствах сохраняли высокие человеческие качества и профессионализм.

¹⁷ Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 234.

¹⁸ Большая их часть опубликована в сборнике: Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. С. 417—504.

¹⁹ Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. С. 400.

²⁰ Там же. С. 395—400.

И. М. Левина работала в экспедициях и самостоятельно (в основном — с детским фольклором, что очевидно из ее дневника и тетрадей), и совместно с И. В. Карнауховой, А. И. Никифоровым — записывая сказки. В одной из ее полевых тетрадей содержится упоминание о том, что сказка «Про Агея гордово правителя», сообщенная сказочником Н. Д. Челаковым, «далее дописана Никифоровым».

В сборнике «Сказки и предания Северного края»,²¹ где была опубликована значительная часть сказок, записанных экспедициями ГИИИ, Ирина Михайловна Левина вообще не упоминается, однако ее рукописный архив (и, одновременно, отсутствие такового у И. В. Карнауховой) дает основание включить И. М. Левину в число участников экспедиций ГИИИ, внесших вклад в собиранье не только детского, но и прозаического фольклора. В архив И. М. Левиной входят также обширная коллекция частушек и записи, фиксирующие некоторые обряды семейного цикла. Часть этих материалов, до сих пор не обнародованных, публикуется ниже.

В круглых скобках курсивом даны примечания собирателя, в квадратных скобках — восстановленные слова, сокращения раскрыты в угловых скобках.

Кукольные игры

№ 1

Родома

Фелицата Гречкова

Маленькие (<пять, семь> лет) играют так: пекут шаньги из глины. Ходят в гости к себе. Косят сено на «пожне» (*палкой*). Шаньги носят на пожню в черепке глиняном.

Чай греют, самовар ставят.

Лет <семь, восемь> — играют в бобки.²² Это называется «шаньги пекчи».

Играют в рыбную ловлю. Побросают щепок в невод (*кусок старого [невода]*). Дорога, песок — река.

²¹ Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. статья и коммент. И. В. Карнауховой; Предисл. Ю. М. Соколова. Л., 1934.

²² Здесь и далее *бобки, бобочки* — битая посуда, стекляшки, осколки, изображающие в игре посуду настоящую. В пинежских материалах И. М. Левиной слово *бобки* не упоминается.

Пожню убирают (*палки валяются обыкновенно на пожне*), очищают пожню прежде, чем косить.

Куклы играют в свадьбу, в застенки, «в церковь» (просто так ходят). Хоронят кукол, зарывают в землю, щепочками заложат (кто обратно зарывает, а кто и не). Причитывают. Голосят за родственников.

№ 2

Мария Соукова, Сусанна Соукова, Люба Соукова

Кукла играет: зыбка, да малый ребенок, да нянька. Нянька-кукла качает. Зыбка — спичечная коробочка.

Парень сделан большой (кукла. — *М. В.*), величиной с локоть. Одет в черн<ые> штаны, руб<ашка> с галст<уком>. На ногах катанки. <Пять> пальцев на руке.

[Играют] в свадьбу. На окнах [делают] избы. <...>²³

Становые делают куклам на страде из щепочек. На пожню едут и косят. Палку берут и на пожне чай пьют, и костер делают из щепочек. Топят нарочно — без огня. Помощь собирают из кукол — чистить пожню. Копают, палочку сделают, будто керку.

Делается все руками куклы. Копают и песни поют за кукол.²⁴ Вино пьют куклы.

Потом вечером будто придут — пляшут, кружатся.

Пень добывают (*выворачивают*) — «Дубинушку» поют...

Куклы избы моют свои — шорками, голицком, руками будто водят.

Взрослые (*родители*) играли так же. Из веков. Куклу отдавают в работницы, в домашницы, — другие уходят на работу. У Марьи Соуковой есть кукла-домашница. Уходит [домашничать] на другое окно. <...>

Куклы делают сами.

В солдаты уходят куклы: спровожают, голосят. Мужика на окошко посодют, будто ушел. Из щепки пароход — уехал парень.

²³ Окна избы включались в игровое пространство и на Пинеге. Ср.: «„Избы“ устраивались на окнах. Невестина ближе к красному углу, женихова — на следующем». (*Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 206). На Мезени устройство «изб» на окнах зафиксировано в играх «в гости», «парня провожают в солдаты», в «похороны» (см. ниже).

²⁴ Эту краткую запись можно сопроводить более подробным описанием: «Двигая кукол, говоря за них, заставляя их кланяться, здороваться за руку, молиться, исполняя за них причитания и песни», девочки «играли за кукол и скрывались за ними» (*Левина И. М.* Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 227).

Мужики в лес уходят — [им] платками машут, говоря: «Прощай!» Куклы-мужики [ходят] за утками, — хоть на улицу, хоть на порог. Приносят лозиночку, будто утку, другие варят, все садятся за стол.

Имена есть у кукол: Анна, Олька (Александра), Таиска. Окрестят кукол, — и всегда одно имя.²⁵

Жонки говоря: «Что им? Ведь не роботу робят, что и делать те?»

На вечереньки куклы ходят, мужики водят, а куклы кружатся. Свадьбу играют.²⁶ Голосить не всё умеют. В баню куклы ходят — с окошка на окошко перейдут.

Мужики ходят за зайцам, капканы ставят (*в избе играют*): щепочку какую возьмут — и то заец. Капканы — тоже щепочки. На большую [щепочку] малую положут — то капкан.

В лавку играют: окно одно, платьев покладут, стопой. Из бумажек — деньги. Чашки — осколки посуды (*бобочки*). Покупают, разговаривают, торгуются.

№ 3

Вожгоры

Параня Гачева, Федоска Кудрецова

[Кукольная игра в «страдание» на пожне]

Матрасы, подушки. Стул из разбитой чашки. На другой табуретке, рядом, — другая изба. На стене для басы наклейка из текстильного треста. Стол также постлан скатертью. На нем — осколки (изображающие посуду. — *М. В.*); самовар, чайник (*такие же*). Висят в каждой избе зыбки с ребятами: на веревке, в спичеч<ном> короб<ке>, устланном тряпками, внутри — куколка. <...>

²⁵ Ср. рассказ о пинежской кукле — «малой девушке», которая становится постепенно «взрослой девушкой», невестой, женой (*Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метише. С. 202—203*).

²⁶ По наблюдению И. М. Левиной, обоснованному мезенскими материалами, «свадьбу дети видят не всю, то, что у жениха — меньше, после пира не видят», что влияет на отбор и построение основных эпизодов игры. То же предположение высказано в статье о пинежских кукольных играх: «...выпущены или слабо развиты те моменты, которые происходят в избе жениха <...> дети, воспроизводя обряд, виденный у взрослых, берут из него моменты действительного, виденные, выпуская то, что им смутно известно» (Там же. С. 232).

Собираются ехать на Пижму страдать. Ладят лодку. Лодка — узенький школьный самодельный пенал. Собирают хлебы в лодку. Кладут хлебы, молоко, мясо (*пробка — тусе молока*).

Маня замечает: «Пошто наклали на корму — затонет, на середку-ты надо, а на носу мужик бат стоит!»

Девочки испуганно перекладывают. Вспоминают, что надо еще подушку, одеяло. Накладывают полную лодку одеял. На носу — мужик, на корме — жонка. Лодка едет по полу... Едет к печке, там — «Пижма».

Приехали. «Усе, выкладать надо!» Кладут [вещи] в кучку.

Очищают от палок пожню. Куклы кричат: «Палок-то больно много!»

«Теперя чай будем греть!» Строят поварню из палочек. Федоска лезет под печь и ищет их там. Затем берет нож, садится на пол, стругает. Жонки сидят на одеялах свернутых. Палочки втыкают в щели пола.

Часть горелки от лампы — горшок, подвешен на поварню. На горшок кладут камень — мясо, под поварню дрова кладутся. Садятся едят.

Надо домой ехать. Опять грузят все, едут домой. Один гребет.

Говорят: «Прощайте, срежемся! Кладь повезем до Кревого мыса (?), потом в лодку складем, поплывем, прощайте!»

«Ну, Паранька, поплыли домой!»

По дороге:

«Плотнее пихайся в пороге, штобы не заворотило-ти!»

По приезде стелятся на пол — тюфяк, <три> пары подушек. Валят семью спать. «Пушай спят. Манин мужик-от, он там спать будё». Закрывают [кукол] одеялами.

«Боле всё».

№ 4

Белоцелье

Уля Семенова, Клаша Семенова, Марья Попова, Степан Семенов

[Кукольная игра «В гости едут на вёсну»]²⁷

<Четыре> куколки. Избы [делают] на окнах. Уле — отдельно. <Два> спичечных коробка открытых изображают шкаф с посудой. В него запихивают осколки (посуду. — *М. В.*). Чурочка

²⁷ «„Весна“ — девятая пятница от Пасхи (бывает в июне)». — Пояснение И. М. Левиной.

пр<остая> дерев<янная>, принесенная с улицы — стол, заржавелые жестянки — стулья. Белячок от телеграфа — кресло. Зеркало прилепляется к косяку окна. Скляшка с камушками — сахарница. Бобки — всякая посуда.

Девчушки Кл<аша> и М<аша> делают на окне избы из щепок.²⁸ Сеня говорит: «Ну, ровно байни!»

У Ули консервная желтая (?) банка в углу, посланная тряпчочкой. Стол постилается тряпчочкой.

«Чашки-те есь, блюда есь» (*делятся бобочками*).

Марья зубами делает щепинки, а из них — рыбу. Уля: «За цветкам побегу!» Бежит приносит цветы, желтые одуванчики, рвет — каша (*так же, как в Засулье*), пучки — рыба.

Делают все молча. Иногда говорят: «Ева (эва. — М. В.) у меня!»; «Ну, боле будё».

Мать, Наталья Никандр<овна>, говорит: «Они молчком, они всегда так, все так играют, редят кукол да избы вот делают!»

Маня с Клашей переходят играть на два окна. На второе также кладутся бобки, цветки. Избушки из щепок...²⁹

У<ля> куколку берет — «ето в гости». Идут. «Здрастуйте!» — «Проходите! Давай я налью чай, пей, у меня еще сахар есть».

Дев<очки> берут бобки и кусают их (*сахар*). «Клашка, садись!». Клашка прид<вигается> ближе. «Все съели, ешь! Ищю ложку нать те». — Несет щепочки. «Ешьте рыбу-то, девки. Ешь, Клаша, кашу-то!»

Кончают есть.

«Цай отпили. На улицу теперь нать идти». — «Уля оболокает сарафаны нарядны-те».

Куклы гуляют по столу.³⁰

²⁸ В рукописи И. М. Левина изображает форму избы (видимо, в игре достаточно условную) двумя палочками с перекладиной наверху.

²⁹ Это место в рукописи неразборчиво; нарисовано нечто вроде большой буквы «П», возможно, изображающей избы.

³⁰ Комментируя запись, И. М. Левина поясняет: «Уля раньше играла с Олькой, <двенадцати лет>, Поповой. <...> Олька показывала, как играть, играла в эту игру — „В вёсну в гости ходят“. Пела Олька песни за кукол. Та знает. За кукол говорила Олька Попова». По свидетельству «жонки Натальи Никандровны», сорока лет, Уля Семенова может петь повертушки (частушки. — М. В.), но в этой игре повертушек не поют, «поют долги песни». (РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 28 об.). Данное уточнение подтверждает тезис И. М. Левиной: один из «источников игры», помимо «впечатлений из действительной жизни», — «заимствования друг у друга»; подражание «девочке-руководительнице» более старшего возраста. (*Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 230, 232—233*). Ср. примечание к тексту № 5 (за игрой девочек десяти и семи лет наблюдают дети пяти и трех лет).

Катя Чурсанова, Палладия Новикова

[Кукольная игра «в гости»]

[Девочки-домашницы]³¹ одевают куклам кустышки. (*Младенцы девочек-домашниц ревут и мешают.*) «Давай, Палашка, в гости к вам придем!»

Устраиваются на окнах (*убранства окна нет*). Палладия берет себе жен<иха> и невесту (кукол. — *М. В.*)³² Ищет самовар, находит: большая катушка от скальня, вдвое больше невесты, веретено — труба на нем. <...>

Раскладывают бобки: осколки от телеграфных чашечек. «Што блюдцев у чашечек нет?» — «А эки-то!» — «Нате, пейте».

Пьют. «Гореце це-то!» — «Пейте!» — «Горецо». — «Гостем-то не налила». — «Всем налила». — «Налей ищо. Налей, Палаха, хлеба ещо нать». — «Беритё, а сахару?» — «Нет, маленько (?)». — «Много порато. Ищо налей!» — «Ну, Анюха, давай брагу-то». (Младенцы-то ревут, во!)³³

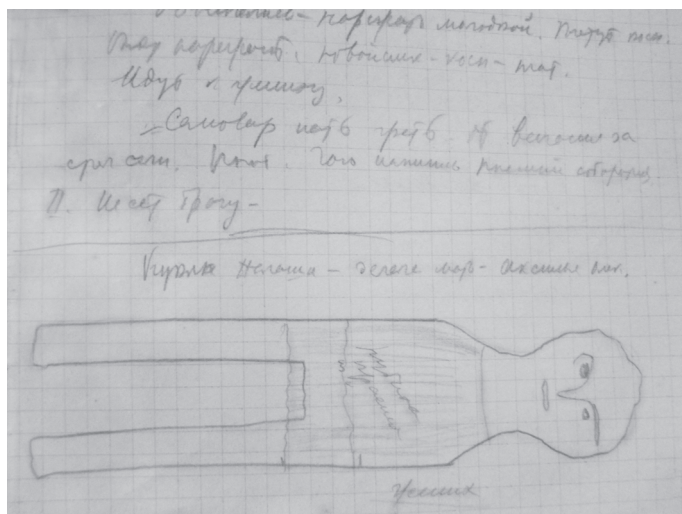
Девки продолжают [игру]. «Эва брага, на пей брагу!». Дают Федосье (девочке, наблюдающей за игрой. — *М. В.*). «На, Фенька, пей! Нать теперь песни петь». — «Обожди, не напились ещо»...

[Завершив столованье, девочки начинают петь, чередуясь].

³¹ Из записи не вполне ясно, играют ли девочки-домашницы, в обязанности которых входит присмотр за младенцами, либо «куклы-домашницы», отправившиеся «в гости» по воле своих хозяек, Палаша и Кати. Первое предположение кажется мне более вероятным.

³² То есть приспособливает «жениха и невесту» к игре «в гости». О распределении «ролей» между куклами в зависимости от темы игры см.: Левина И. М. Кукольные игры в свадьбу и метище. С. 204—206. В этой же статье описаны пинежские куклы, сделанные, по большей части, «из тряпок» и сохраняющие «все черты, присущие игре, ту же четкую точность в деталях и ту же условность, дополняемую воображением зрителя. <...> Доминирующее значение имеет костюм, и он обдумывается с большой тщательностью. Из всех виденных мною кукол преобладали куклы-женки и девушки...; реже делаются куклы-ребята и еще реже — куклы-парни, которые дополняются в случае надобности и палочками» (Там же. С. 228—229). На странице из дневника И. М. Левиной, иллюстрирующей публикацию, изображен кукольный «жених» самой простой (даже условной) формы, но в непрменной красной рубахе (см. рисунок).

³³ «Один из младенцев выливает на себя опару, девки-домашницы встают и моют его, другой ревет». — Пояснение И. М. Левиной.

Страница из полевой тетради И. М. Левиной с изображением «куклы-женухи». Мезень. 1928 г.

Палаша:

Перепела голосок,
 Ходила в лес по хвересок,
 Перепела тоненькой,
 Ходила за смородинкой
 С горки на горку каменную,
 Оторвут мою головушку отчаяную!

Катя:

Отличены уголки,
 По всей деревне огоньки,
 У миляшки два огня —
 Наверно старая родня.

Палаша:

Бежит Карюшка конек,
 По всей деревне огонек.
 Не посватана ли любушка
 Севоднишний денек?

Катя:

Ліса по лесу ходила,
 Голосяночку водила,

Бересту драла,
Мужу лапти плела —
Себе двой, мужу — трои,
Ребятишкам — по лаптишкам.

Палаша:

Руки-ноги на дороги,
Голова в кусту.
Я у татки, у мамки
Одна расту!³⁴

№ 6

Лебская

Таня Аксенова, Оля Гольчикова, Филипп Лешуков, Иван Лешуков, Семен Аксенов³⁵

[Кукольная игра «Парня отдавают в солдаты»]

На столе изба. Парень (кукла. — *М. В.*) спит. «Пущай на доро-гу выпсется-то!» Мать пеет шаньги, хлебы складает (*бумажки рваные, камни*). Парень спит на повети (*корзинка*). Хлеб кладут в мешки (*тряпки*).

³⁴ Данная публикация включает шесть из семи пропетых девочками песен. Пояснения к завершающей части игры И. М. Левиной не сделаны.

³⁵ Несмотря на предельную конспективность и трудночитаемость, запись включена в число публикуемых, поскольку обрисованная в ней кукольная игра примечательна не только тематикой, но многоэпизодностью и участием ней мальчиков. Девочки играют за кукол-девушек и жонок, мальчики — за кукол-парней и мужиков (ср. игру в метище, где за кукол-парней играют девочки). Игра «спрессовывает» события, происходящие на протяжении длительного времени: «уход» в солдаты, возвращение спустя месяц (вероятно, на побывку. — *М. В.*); новый отъезд «в солдаты» и вторичное, вновь через месяц, возвращение «из солдат». Эпизоды приездов и отъездов чередуются с эпизодами заготовки дров, сенокосничанья, мытья избы в отсутствие «солдат». Играющие «останавливают свое особое внимание на моментах, наиболее насыщенных движением и изобразительностью» (*Левина И. М.* Кукольная игра в свадьбу и метище. С. 225), однако, при отсутствии достаточного сравнительного материала, трудно сказать, насколько давней и традиционной является именно такая структура игры. В д. Засулье игра «Парня отдавают в солдаты» строится иначе: в ней участвуют одни девочки; игровое действие охватывает только день проводов и сосредотачивается на попеременном гостеванье в домах рекрутов, где разыгрываются сценки наставлений и напутствий, раздачи прощальных подарков, и т. п. (РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 8, л. 148—152).

В другой избе спрвожают тоже. «И [у] вас парня в солдаты?» — «И у нас. Паужинать будем. Поди, девка, зови паужинать-то. Накрывай стол». <...>

[Другая изба]. «В узел завежу-ти деньги, не забудешь. А как я одна буду страдать-то!»

(«Лучше на окошке избу сделать» — переставляют [избу] на окошко.) <...>

Избы на одном окне разделяются корзиной. Парню <второму> одевают ташку. Хлебы [кладут] туда. Ташку одевают за спину. Завязывают. «Одевайся, чай студено!»

Жонки плачут... Целуются все. Плачут — «бытто голосят». («Голосить мы не умеем, простите!»)

«Пароход где-ка?» <...> Пароход — щепка. «Сами в гости приезжайте, [через] месяц». — «Прощайте боле!» Жонки плачут.³⁶ Вода под пароходом — из платков (волны). Мужики в солдаты уплыли.

Утром [жонки] стали, пекли шаньги в печке (за корзиной). «Испеклись уже шаньги-то? Давай исть!» — «Ну, дрова нать рубить-то, пойдём». — «Пошто нас-то не звали?» — «Так обедать еще нать. Пила-то где?»

Одевают кукол, поправляют одежду, одевают платки. «А ты, кукла-то, дома оставайся обрезать. Шанек-то напеки мне». — «А у меня некому обрезать». — «Ну так пущай».

[Кукла] обряжается в избе, убирает постели. «Нать выпахать». Метет. «Самовар поставлю».

Лес — лавка. Пилят дрова. Две девки пилят, две бабы пом<огают>. [Возвращаются домой.] «Обрядила все?» — «Обрядила все и ходила, дров наносила, все». — «Самовар готов?» — «Готов».

Садятся ужинать. «Боле все сробили». <...>

«Ну, месяц прошел... Нать скорее посыпáть (спать. — М. В.). А парни будто едут, долго ночью, а пароход заревет — ставать будут. Ну, давай пореви (за пароход. — М. В.)».

«У-у-у!»

«Ну, убирай скорее все, они пришли, пароход пришел». — «Денег-то не выдержали?» — «Выдержали... Колацей привез, дам». — «У меня еще белы колацы». — «Ой, садитесь, пейте. Каково там жили да поживали? Тоскливо? Мы уж ждали, думали — вечером приедете, а вечером игрищо соберем».

Чай пьют. Напились. «Вецер пришел. Вот поди игрище собирай, а молодяжники вино выпили». — «Перережайтесь, девки!» — «Что мне перережаться-то?» — «Бабы-то тоже придут».

³⁶ В ремарке И. М. Левиной сообщается, что жонки выспятся утром и пойдут на пожню.

Девки идут по лавке, песни поют, кружатся.³⁷ <...>
«Пошли, девки, спать. Мужики пить пошли». — «На повети постелем». — «Пущай».³⁸ (*Куклы ушли.*)

[Куклы-девки возвращаются] «Те (парни. — *М. В.*) спят». — «Что на голом-то полу?» (*Парни спят вверх ногами.*)

Жонки говорят: «Напились. Поди спи на повесть, в переднюю [избу] пойдя, завтра работать не будешь!»

Утром:

«Дайте бритву, дайте бело полотенце, мне-ка с горя утереться!»

Месяц прошел. «У-у-у!» — пароход идет. «Скорее ставайте, ташки вяжите... Не, опять деньги-ти возьмите!»

[Девки причитают]: «Уж куда собрался, любезный мой, склался-собрался, отлетает мой душа-сокол!»³⁹

«Сенька, письма пиши, да всё спысылай!» — «Ладно, эва Таньке письмо пришло с пароходу».

Жонки сидят на берегу, [поют] «Последний нонешний денечек».⁴⁰

Мальчики возят пароход. Делают письма: «Это — Таньки, это — Ольки». <...>

[Девки и жонки] на пожню страдать пошли. Гребут, косят палками. Идут домой. Пароходик приходит. «Письмо!» — «Давай!» — «Выкупать надо». «Девки, девки, пароход иде! Эва, эва, уже близко!»

Дают свернутый конверт. Марка от катушки есть [у Оли], у Тани нет. Откупают. «Ты грамотна, нет?» — «Девка грамотна». — «Ну, давай, читай!».

Читает: «Приедем <двадцать восьмого> июня, вот приедем домой, дорогая подруга. Шлем-то поклон — Насте поклон, Кате, Ирине... Пока более ницего не знаю писать. Дожидайте нас».

«У-у-у!» — пароход.

«Ну, давай, Олька, денег <три> рубля, спысылать надо им!»

«У-у-у!» — «Пароход поиде, давайте письма!»

Ящики на пароход грузят. «У-у-у!» — пароход идет.

«Пароход пошел в зыряне!» — «У-у-у!» <...>

³⁷ В полевой тетради неразборчиво записано начало нескольких песен. Одна из («Русы кудри по плечам...»), видимо, вариация плясовой. Отмечено, что играющие мальчики подпевают девочкам.

³⁸ Несколько неразборчивых фраз, по-видимому, — о том, что парни продолжают гулять.

³⁹ «Дальше [слова] не знают». — Пояснение И. М. Левиной.

⁴⁰ Текст еще одной песни неразборчив.

[Девки и жонки] в гости идут. «Пашутся-ты да всё». — «Я пришла — пойдете завтра ко мне избу мыть?» — «Пойдем!»

Идут. «Да скиньте платья-то!» — «Я скинула». — «Может, пойдете обедать-то после?» — «Стены мойте, потолок мойте. Натъ еще все мыть-то. Песни давайте петь».

(Поют «Не пой, не пой-ка соловьюшка...».)

«Пароход пришел!» — «Куда его! Мы в рубахах, потулим мужиков!»

Поют и моют. «В байну, девки, идите!»

Девки кричат мальчикам (изображающим пароход. — М. В.): «К чаю-то приедут из солдатов?»

«У-у-у!» — «Пришли! Вот беда (*радость!*)» <...>

Наставляют самовар.

(Поют «Русы кудри по плечам...».)⁴¹

№ 7

Засулье

Маня Михеева, Августа Михеева, Сусанна Михеева, Виринея Чурсанова

[Смерть и похороны куклы]

Опять делают избы. <...>

«У меня девка занемогла, бат умрет» — «Плоха?» — «Помрет боюсь!» (*всхлипывает*)⁴²

Девка (кукла. — М. В.) лежит на кровати.

«Пошто одеяло-то добро кладете? Эва легонько есь!» <...>

«Девку-то надо переодеть. Неделю лежит, неделю уж грезь».

[Другая] кукла смотрит в зеркало. «Эва, и видать, и ручкой так она сделает!» (*кукла поднимает руку*). <...>

⁴¹ Судя по мезенским записям, в кукольных играх (как и на Пинеге) звучат более простые для исполнения либо широко известные в деревне необрядовые песни. Ср. ремарки к кукольной игре «В гости едут на вёсну» (№ 4): девочки играют «молчком», так как не знают «долгих» (протяжных) песен, а петь частушки «не полагается». В менее регламентированной ситуации куклы-гости распевают частушки и припевки (№ 5).

⁴² Репликами обмениваются Маня Михеева и Виринея Чурсанова. Маня — «мать» заболевшей куклы. Игру предваряет описание «изб» Мани и Виринеи, сделанных на окнах и снабженных кроватями, шкафами, комодом, столом, зыбкой, самоваром, зеркалами, половиками.

(Изъясняют родство: «Больша семья. Эта кукла — больной девке мать, те — <две> сестры, та сестреница, та — тетушка, сестра матери. В один дом они взамуж вышли».)⁴³

Сестреница сидит за зыбкой. Маня переодевает кукол. «Что вы, девки, не смотрите, люди голы ходят, [а] они нарочно выглядывают». — «Мамка, одень-ка мне аглицкой сарафан» — «Нать одеть-то, как больна».

Маня качает головой: «Вот беда, у меня кукла-то вся заревётся! (Жалеть ведь будет дочку.⁴⁴) Срежалась, срежалась, а девка-то у меня умерла, вот беда!» — «Давай вымою. Из балагушечки моют».

Выливают воду.

«Гроб нать ладить».⁴⁵

Обрезают по<койницу> (роются в коробке). «Подушечку-то каку нать найти». <...>

«Сейчас нать хоронить». — «Я пойду отведу место».

Мать голосит: «А-а-а!»⁴⁶ <...>

Копают в парнике. Яму выкладывают листьями...

Телега (корзина), в середине — покойник. Все сидят кругом и плачут. Конь — дер<евянный> лебедь, запряжен ниткой. <...>

Везут (плачут и т.п.). Высаживают кукол на землю. В яму кладут еще бумагу, подушечку. Кла<дут> покойника.

«Зарывай!» — «Нать щепку». Ставят крест, делают крест.

«Нать на могилу поставить цветы».

Заговоры, приговорки, магические действия

№ 1

Родома

Константин Дементьевич Карманов

Раб Божий Константин, выхожу на улицу с дверей в двери, из ворот в ворота, стану на восток лицом, на запат хребтом. Возьму, раб Божий Константин, в леву руку тугой лук, а в праву — кале-

⁴³ По уточнению И. М. Левиной, в игре принимают участие восемь кукол.

⁴⁴ Это ответ на вопрос собирателя («Почему кукла „заревётся“?»).

⁴⁵ Девочки рассказывают о том, что закопали («похоронили») одну куклу зимой: «весной она вся-я выгнила». — Пояснение И. М. Левиной. По конспективной скорописной записи трудно исчерпывающе проследить ход игрового действия. Создается впечатление, что «гроб» заменяют бумага и листья.

⁴⁶ «Слов нет: [голосить] не умеют». — Пояснение И. М. Левиной.

ну стрелу. Стрѣлю под восток, под восточну сторону. Лети, моя каленая стрела, ломай сырые лиственничные, березовые сучья, также сломай у двух сырых дубов, рабов Божьих (Константина или кого хошь назови, хошь Анну аль Матрену), смешай их ум с разумом и кров со печенью, чтобы они не могли друг без друга не жить, не быть. Аминь тому слову.

(Надо говорить в вино, в воду, — выпоить, съисть этой пары.)

№ 2

Штоб мужа отнять, полюбовница должна тайно взять иглу без ушко и полóжить тайно в пинжак, — и жону любить боле не станет.

№ 3

Малые Нисогоры

Федосья Калинишна Познякова

Штоб корова не легалась:

Стой, Пестронюшка,
Стой горой,
Теки рекой,
Ножецку не переступи,
Хвостиком не махни,
Рожкой не кивни,
И дай вымецко,
Сахарни титоцки
Хозяюшки в ручушки!

№ 4

Матрена Федоровна Авдышева

Хоть человек испугается, хоть скотина, надо взять веник, от веника три прутка и говорить — примахивать скотину иль человека прутком по глазам. Это, примахивать и говорить, что: «Секу, высекаю, вон выгоняю, уроки, прекосы, переполохи, йсполохи, ветры напереломы из ясных оцей, из черных бровей, из черных пеценей, с ретивого сердца!»

Ну вот это-то <три> раза проговорить и примахивать. Больше всё.

№ 5

Большие Нисогоры

Если руку обрежешь:

Ехал Данила на белой кобыле,
Кобыла пристала, кровь перестала!

№ 6

Когда осы кусают:

Осы вы осы,
Каленые носы,
Не жгите меня,
Жгите муравью траву!

№ 7

Кого комары кусают:

Комары да мошки,
Кусайте понемножко!

№ 8

Клопов выводить:

Где попы — тут и клопы,
Где-ка поп — тут и клоп!

(Если придет поп в избу, то взять клопа завернуть и бросить за попом следом.)

Похоронные и поминальные обряды, обычаи

Родма

Прасковья Дементьевна Солкова⁴⁷

По первости веников накрошат сухих в гроб, по всему, значит, постелют постилку (у кого нову, у кого — ветошку, хто как

⁴⁷ На Мезени распространено и другое написание этой фамилии: Соукова.

может). Подушецку набивают листками, под голову ложат покойнику. На подстилку — покойника. И покрывало есть, — ветошка аль новая, у кого как, одежда у покойника какая есть: у другого старика — порты; не осуди, так старый — где возьмешь? У Марьи-то, бат, шаль шолкова (<шесть> рублей) положена и сапоги с калошам, <двадцать> рублей. Сей год она померла, и попутка была нова, и постилка была, все складено.

Поминки — когда лежит в гробу. Подавают через гроб нищим, кто принимать придет. Подавают все: жито, шерсть, мукой, пеценым; одежду раздавают. Доцка померла у Костиньки сей год, так <тридцать> вещей раздавали, чаем поили, — и рабочих, что гроб тесали, всих поили. А хто не работал, — так тесно в избы, — тот народ может и выйти, а как народ откормят, то и повезут на кладбище.

Поминок на кладбище нет, а есть на <третий> день обед, на <девятый>, <двадцатый>, <тридцатый>, <сороковой>. Хто не может, тот только на <третий>, на <сороковой> обедом кормят старух, а молодые — ты и самы не пойдут, молиться только старому можно. Опять милостыню подавают.

Гроб ставят на пол (на полу через гроб и подавают). До гроба покойник лежит на лавке. Моют сродственники, а ежели нет, то, если жонка померла, — старуху зовут, а как старик — старика.

Постелю не стелят до <сорока> дней. Из Лопского говорят, что покойник ходит ноцевать, у нас кадят то место старухи, если где померла — то место кадят.

Тряпочку чисту вешают, до <шести> недель висит. Душа вытирается, а на <сороковой> день [душу] на небо берут, на воле боле она не ходит. А шесть недель прошло — тряпку снесут на могилу. Настоящего полотенца не кладут, гроб носят на полотенцах, и то полотенце попу отдавают. У нас хорошо было отдано. И икону еще весят на полотенце, тоже по-старому. А сей год комсомолка одна померла, так икону не посмели, с флагом хоронили.

Полгода как Марья померла, а милостыню все носим старухам, хоть и <два> года, а все носят старухам в дом поминать. Год сполнится — обед.

Чашку с водой [в доме] ставят, дорожку не выкидывают.

В могилу бросают деньги: землю откупают, другой покойник штоб не сказал: «Ты мое место занял!» А он отвечает: «У меня земля откуплена!»

Роют могилу не родные, они много плацут, так где уж! Сторона роет, а то покойник скажет, что «Уж скорей зарыват-то меня отец аль мать!»

Места [для покойника] на поминках не оставляют, что не видят его, как видели бы — так оставляли, а ежели дух — так он и сам запихался бы.

Плакальщицы свои, а сторона хоть и не голосит, а плачут, ревут, как хорошей. Другой старый надоел, так скажут: «Бог прибрал, так и мотается». А хороший помрет, иль малы дети остаются, плачут старые тоже, вси ревут. Марья померла — так старые пуще плакали.

Горе припадет — так и голосишь, а как давно не было — голосить не знаю.

КОММЕНТАРИИ К ТЕКСТАМ

Кукольные игры

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 6, л. 92 об.—93.

Зап. 23 июня 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Фелицата Гречкова, 12 лет.

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 6, л. 95—96 об.

Зап. 23 июня 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Мария Соукова, 10 лет, Сусанна Соукова, 10 лет, Люба Соукова, 8 лет.

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 1, л. 13—14.

Зап. в 1928 г.: д. Вожгоры Мезенского у. Архангельской губ., Параня Гачева, 8 лет, Федоска Кудрецова, 9 лет. По замечанию собирательницы, в избе присутствовала еще одна девочка: «Маня, девяти лет — созерцает».

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 27 об.—28 об.

Зап. 5 июля 1928 г.: д. Белошелье Мезенского у. Архангельской губ., Уля Семенова, 10 лет, Клаша Семенова, 9 лет, Марья Попова, 9 лет, Степан Семенов, 7 лет.

№ 5. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 5, л. 30—30 об.

Зап. 6 июля 1928 г.: д. Конещелье Мезенского у. Архангельской губ., Катя Чурсанова, 7 лет, Палладия Новикова, 10 лет. Собирательница уточняет, что еще три девочки — Анна Новикова, 5 лет, Поля Чурсанова, 5 лет, и трехлетняя Федосья (фамилия не указана) — наблюдают за игрой.

№ 6. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 7, л. 121 об.—127.

Зап. 26—27 июня 1928 г.: д. Лебская Мезенского у. Архангельской губ., Таня Аксенова, 12 лет, Оля Гольчикова, 10 лет, Иван Лешуков, 11 лет, Семен Аксенов, 8 лет, Филипп Лешуков, 7 лет.

№ 7. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 8, л. 144 об.—147.

Зап. 30 июня 1928 г.: д. Засулье Мезенского у. Архангельской губ., Маня Михеева, 10 лет, Сусанна Михеева, 11 лет, Виринея Чурсанова, 11 лет, Августа Жданова, 12 лет (возраст и фамилия Августы в полевой тетради указаны нечетко).

Заговоры и магические действия

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 5, л. 74—74 об.

Зап. в 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Константин Дементьевич Карманов, 53 года.

№ 2. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 5, л. 74 об.

Зап. в 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Константин Дементьевич Карманов, 53 года.

№ 3. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 337.

Зап. 18 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Мезенского у. Архангельской губ., Федосья Калинишна Познякова, 53 года. По сообщению собирательницы, Ф. К. Познякова «заговоры знает от матери, которая умерла тринадцать лет тому назад».

№ 4. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 73 об.—74.

Зап. 16 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Мезенского у. Архангельской губ., Матрена Федоровна Авдышева (Авдушева), 48 лет. В заговоре «от испуга» традиционное словосочетание «ветрены переломы» заменено искаженным «ветры напереломы».

№ 5—8. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 14, л. 59 об.—61 об.

Зап. в 1928 г.: д. Большие Нисогоры Мезенского у. Архангельской губ. — от группы детей.

Похоронные и поминальные обряды, обычаи

№ 1. РО ИРЛИ, р. V, кол. 5, п. 13, тетр. № 5, л. 75—77 об.

Зап. в 1928 г.: д. Родома Мезенского у. Архангельской губ., Прасковья Дементьевна Солкова, 46 лет.